

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Подъ редакціей А. Е. ГРУЗИНСКАГО,

при ближ. участіи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

Выпускъ IV.

А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ
И ПИСЬМАХЪ.

Составилъ Н. А. ЗАОЗЕРСКІЙ.

I. Вступительныя статьи. II. Избранныя мѣста изъ воспоминаній А. С. Пушкина, И. И. Пущина, А. Н. Вульфъ, А. П. Кернъ, М. П. Погодина, С. П. Швырева, В. И. Даля, И. С. Тургенева, В. А. Жуковскаго. III. П. В. Анненковъ. Изъ матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина. IV. Н. В. Гоголь. Нѣсколько словъ о Пушкинѣ. V. Статьи и замѣтки А. С. Пушкина. VI. Письма А. С. Пушкина. VII. Хронологическая канва. VIII. Указатель литературы о Пушкинѣ и его произведеніяхъ.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1910.

890.7(091)

BR1(092)
3-29

3-49

Чеховъ

у 1р80

№ 2487

ПРОВЕРЕНО 1938 г.

Оренбургской
Центральная Библиотека
Уральской Земли, Улан-Удэ

Пушкина не слыхалъ, какъ онъ прекрасно читывалъ русскія пѣсни? Кто не помнитъ, какъ онъ любилъ ловить живую рѣчь изъ устъ простого народа?

Извѣстно, что Пушкинъ готовилъ изданіе «Слова о полку Игоревѣ». Съ глубокимъ уваженіемъ говорилъ онъ объ его поэтическихъ достоинствахъ и не сочувствовалъ нисколько мнѣніямъ скептиковъ, которые всего сильнѣе дѣйствовали въ его время. Нельзя не пожалѣть, что онъ не успѣлъ докончить труда своего... Я слышалъ лично отъ Пушкина объ его трудѣ. Онъ объяснилъ мнѣ изустно вступленіе, котораго смыслъ, по мнѣнію Пушкина, былъ тотъ, что авторъ Слова, отказываясь отъ старыхъ словесъ и замышленія Боянова, предпочитаетъ говорить о полку Игоревомъ по былинамъ своего времени.

Воспоминанія о Пушкинѣ Даля.

Крыловъ былъ въ Оренбургѣ младенцемъ; Скобелевъ чуть ли не ставалъ въ немъ на часахъ; у Карамзиныхъ есть въ Оренбургской губерніи родовое помѣстье. Пушкинъ пробылъ въ Оренбургѣ нѣсколько дней въ 1833 году, когда писалъ «Пугача», а Жуковский—въ 1837 году, провожая государя цесаревича.

Пушкинъ прибылъ нежданный и нечаянный и остановился въ загородномъ домѣ у военнаго губернатора Василя Алексѣевича Перовскаго, а на другой день привезъ я его оттуда, ѣздивъ съ нимъ въ историческую Бердинскую станицу, толковалъ, сколько слышалъ и зналъ мѣстность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевымъ; указывалъ на Георгіевскую колокольню въ предмѣстьѣ, куда Пугачъ поднялъ было пушку, чтобы обстрѣливать городъ, на остатки земляныхъ работъ между Орскихъ и Сакмарскихъ воротъ,

приписываемыхъ преданіемъ Пугачеву, на зауральскую рошу, откуда воръ пытался ворваться по льду въ крѣпость, открытую съ этой стороны; говорилъ о незадолго умершемъ здѣсь священникѣ, котораго отецъ высѣкъ за то, что мальчикъ бѣгалъ на улицу собирать пятаки, коими Пугачъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ городъ вмѣсто картечи, о такъ называемомъ секретарѣ Пугачева Сычуговѣ, въ то время еще живомъ, и о бердинскихъ старухахъ, которыя помнятъ еще «золотыя палаты» Пугача, то-есть обитую мѣдною латуною избу.

Пушкинъ слушалъ все это — извините, если не умѣю иначе выразиться, — съ большимъ жаромъ и хохоталъ отъ души слѣдующему анекдоту: Пугачъ, ворвавшись въ Берды, гдѣ испуганный народъ собрался въ церкви и на паперти, вошелъ также въ церковь. Народъ разступался въ страхѣ, кланялся, падалъ ницъ. Принявъ важный видъ, Пугачъ прошелъ прямо въ алтарь, сѣлъ на церковный престолъ и сказалъ вслухъ: «Какъ я давно не сидѣлъ на престолѣ!» Онъ воображалъ, что престолъ церковный есть царское сѣдалище. Пушкинъ назвалъ его за это свиньей и много хохоталъ.

Мы поѣхали въ Берды, бывшую столицу Пугача, который сидѣлъ тамъ, какъ мы сейчасъ видѣли, на престолѣ. Я взялъ съ собою ружье, и съ нами было еще человекъ два охотниковъ. Пора была рабочая, казаковъ ни души не было дома; но мы отыскали старуху, которая знала, видѣла и помнила Пугача.

Пушкинъ разговаривалъ съ нею цѣлое утро; ему указали, гдѣ стояла изба, обращенная въ золотой дворецъ, гдѣ разбойникъ казнилъ нѣсколько вѣрныхъ долгу своему сыновъ отечества; указали на гребни, гдѣ, по преданію, лежитъ огромный кладъ Пугача, зашитый въ рубаху, засыпанный землею и покрытый трупомъ человѣческимъ, чтобъ отвести всякое подозрѣніе и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись

до трупа, должны подумать, что это простая могила. Старуха спѣла также нѣсколько пѣсенъ, относившихся къ тому же предмету, и Пушкинъ далъ ей на прощанье червонецъ.

Мы уѣхали въ городъ, но червонецъ надѣлалъ большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому пріѣзжему человѣку спрашивать съ такимъ жаромъ о разбойникѣ и самозванцѣ, съ именемъ котораго было связано въ томъ краю столько страшныхъ воспоминаній; но еще менѣе постигали они, за что было отдать червонецъ.

Дѣло показалось имъ подозрительнымъ: чтобы де послѣ не отвѣчать за такіе разговоры, чтобы опять не дожить до грѣха да напасти! И казаки на другой же день снарядили подводу въ Оренбургъ, привезли и старуху и роковой червонецъ и донесли: «Вчера де пріѣзжалъ какой-то чужой господинъ, примѣтами: собой не великъ, волосъ черный, кудрявый, лицомъ смуглый, и подбивалъ подъ «пугачевщину» и дарилъ золотсмъ; долженъ быть антихристъ, потому что вмѣсто ногтей на пальцахъ когти». Пушкинъ много тому смѣялся.

До пріѣзда Пушкина въ Оренбургъ я видѣлся съ нимъ всего только два или три; это было именно въ 1832 году, когда я, по окончаніи турецкаго и польскаго походовъ, пріѣхалъ въ столицу и напечаталъ первые опыты свои. Пушкинъ по обыкновенію своему засыпалъ меня множествомъ отрывчатыхъ замѣчаній, которыя все шли къ дѣлу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякаго изъ насъ на умѣ вертится, только что съ языка не срывается.

«Сказка сказкой, — говорилъ онъ, — а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать?.. Надо бы сдѣлать, чтобъ выучиться говорить по-русски

и не въ сказкѣ... Да нѣтъ, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!»

По пути въ Берды Пушкинъ рассказывалъ мнѣ, чѣмъ онъ занятъ теперь, что еще намѣренъ и надѣется сдѣлать. Онъ усердно убѣждалъ меня написать романъ, и—я передаю слова его въ его память, забывая въ это время, къ кому они относятся,—и повторялъ: «Я на вашемъ мѣстѣ сейчасъ бы написалъ романъ, сейчасъ; вы не повѣрите, какъ мнѣ хочется написать романъ, но нѣтъ, не могу: у меня начато ихъ три,—начну прекрасно, а тамъ недостаетъ терпѣнія, не слажу». Слова эти вполнѣ согласуются съ пылкимъ духомъ поэта и думнымъ творческимъ долготерпѣніемъ художника; эти два рѣдкія качества соединялись въ Пушкинѣ, какъ двѣ крайности, два полюса, которые дополняютъ другъ друга и составляютъ одно цѣлое. Онъ носился во снѣ и наяву цѣлые годы съ какимъ-нибудь созданиемъ, и когда оно дозрѣвало въ немъ, являлось передъ духомъ его уже созданнымъ вполнѣ, то изливалось пламеннымъ потокомъ въ слова и рѣчь: металлъ мгновенно стынетъ въ воздухѣ, и созданіе готово. Пушкинъ потомъ воспламенился въ полномъ смыслѣ слова, коснувшись Петра Великаго, и говорилъ, что непременно, кромѣ дѣянія объ немъ, создастъ и художественное въ память его произведе-ніе: «Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ умомъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ близорукихъ, и мы стоимъ еще къ нему близко—надо отодвинуться на два вѣка, но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться съ предметомъ и постоянно имъ заниматься; время это исправить. Но я сдѣлаю изъ этого золота

что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сдѣлаю! Вѣдь даромъ, что товарищи мои всѣ посѣдѣли да оплѣвши-вѣли, а я только что перебѣсился; вы не знали меня въ молодости, каковъ я былъ; я не такъ жилъ, какъ жить бы должно; бурный небосклонъ позади меня, какъ оглянусь я...»

Послѣднія слова свѣжо отдаются въ памяти моей, почти въ ушахъ, хотя этому прошло уже семь лѣтъ. Слышавъ много о Пушкинѣ, я никогда и нигдѣ не слыхалъ, какъ онъ думаетъ о себѣ и о молодости своей, оправдываетъ ли себя во всемъ, доволенъ ли собою, или нѣтъ; а теперь услышалъ я это отъ него самого, видѣлъ передъ собою не только поэта, но и человѣка. Переломъ въ жизни нашей, когда мы, проспавъ нѣсколько лѣтъ дѣтми въ личинкѣ, сбрасываемъ съ себя кожуру и выходимъ на свѣтъ вновь родившимся, полнымъ твореніемъ, дѣлаемся изъ дѣтей людьми, — переломъ этотъ не всегда обходится безъ насилій и не всякому становится дешевле. Въ человѣкѣ буднишнемъ перемѣна не велика: чѣмъ болѣе необыкновеннаго готовится въ юношѣ, чѣмъ онъ болѣе изъ ряду вонъ, тѣмъ сильнѣе порывы закованной въ желѣзные путы души.

Мнѣ достался отъ вдовы Пушкина дорогой подарокъ: перстень его съ изумрудомъ, который онъ всегда носилъ послѣднее время и называлъ — не знаю почему — талисманомъ; досталась отъ В. А. Жуковскаго послѣдняя одежда Пушкина, послѣ которой одѣли его только, чтобы положить въ гробъ. Это черный сюртукъ съ небольшою, въ ноготокъ, дырочкою противъ праваго паха. Надъ этимъ можно призадуматься. Сюртукъ этотъ нужно сбересть и для потомства; не знаю еще, какъ это сдѣлать; въ частныхъ рукахъ онъ легко можетъ затеряться, а у насъ некуда отдать подобную вещь на всегданнее сохраненіе.

Пушкинъ, я думаю, былъ иногда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суевѣренъ; онъ говаривалъ о примѣтахъ, которыя никогда его не обманывали, и угадывалъ глубокимъ чувствомъ какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явленіями, въ коихъ, повидимому, нѣтъ ничего общаго, уважалъ тысячелѣтнее преданіе народа, доискивался въ немъ смысла, будучи убѣжденъ, что смыслъ въ немъ есть и быть долженъ, если не всегда легко его разгадать. Всѣмъ близкимъ къ нему извѣстно странное происшествіе, которое спасло его отъ неминуемой большой бѣды. Пушкинъ жилъ въ 1825 году въ псковской деревнѣ, и ему запрещено было изъ нея выѣзжать. Вдругъ доходятъ до него темные и несвязные слухи о кончинѣ императора, потомъ объ отреченіи отъ престола цесаревича; подобныя событія проникають молніемъ сердца каждаго, и мудрено ли, что въ смятеніи и волненіи чувствъ участіе и любопытство деревенскаго жителя неподалеку отъ столицы возросло до неодолимой степени? Пушкинъ хотѣлъ узнать положительно, сколько правды въ носящихся разнородныхъ слухахъ, что дѣлается у насъ и что будетъ; онъ вдругъ рѣшился выѣхать тайно изъ деревни, рассчитавъ время такъ, чтобы прибыть въ Петербургъ поздно вечеромъ и потомъ черезъ сутки же возвратиться. Поѣхали; на самыхъ выѣздахъ была уже, не помню, какая-то дурная примѣта, замѣченная дядькою, который исполнялъ приказаніе барина своего на этотъ разъ очень неохотно. Отъѣхавъ немного отъ села, Пушкинъ сталъ раскаиваться въ предпріятіи этомъ, но ему совѣстно было отъ него отказаться, казалось малодушнымъ. Вдругъ дядька указываетъ съ отчаяннымъ возгласомъ на зайца, который перебѣжалъ впереди коляски дорогу; Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ дядьки, сказавъ, что, кромѣ того, позабылъ что-то нужное дома, и во-

ротился. На другой день никто уже не говорилъ о поѣздкѣ въ Питеръ, и все осталось постарому. А если бы Пушкинъ не послушался на этотъ разъ зайца, то пріѣхалъ бы въ столицу позднимъ вечеромъ 13 декабря и остановился бы у одного изъ товарищей своихъ по лицу, который кончилъ жалкое и бѣдственное поприще свое на другой же день... Прошу сообразить всѣ обстоятельства эти и найти средства и доводы, которые бы могли оправдать Пушкина впоследствии, по крайней мѣрѣ, отъ слишкомъ естественнаго обвиненія, что онъ пріѣхалъ не безъ цѣли и зналъ о преступныхъ замыслахъ своего товарища.

Пусть бы всякій сносилъ въ складчину все, что знаетъ не только о Пушкинѣ, но и о другихъ замѣчательныхъ мужахъ нашихъ. У насъ все родное теряется въ молвѣ и памяти, и внуки наши должны будутъ искать назиданія въ жизнеописаніяхъ людей не русскихъ; къ своимъ же поневолѣ охлаждѣютъ, потому что ознакомиться съ ними не могутъ; свои будутъ для нихъ чужими, а чужіе сдѣлаются близкими. Хорошо ли это?

Много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; инья уже угасли, и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его извѣстно на разныхъ концахъ Россіи: ихъ надо бы снести въ одно мѣсто. А. П. Брюлловъ сказалъ мнѣ однажды, говоря о Пушкинѣ:

«Читая Пушкина, кажется, видишь, какъ онъ жжетъ молніемъ выжигу изъ обносковъ: въ одинъ ударъ тряпье въ золу, и блеститъ чистый слитокъ золота».